

Душа, Я и апперцепция¹

Михаил Шильман, 2004 г.

1. Хайдеггер отмечает: «...для всякого фактического субъекта Я значит одно и то же»². Если Я мыслится единичным, сохраняющимся в потоке перцепций, задающим единство всяческих состояний и находящимся - само по себе - вне времени, то такое Я не только неизменно и едино, но отсылает каким-то образом к безвременью, к бессмертию. Формально Я - ничье, а фактически - мое, поименованное, личное. Следует найти это неизменное бессмертное означаемое. Понятие Я уже включает представление о синтезе; единство Я, единство апперцепции возможны лишь благодаря первоначально-синтетической природе. Следует определить то, чему, возможно, присуща такая природа. Кант иногда отождествляет первоначальное единство апперцепции и рассудок; это дополнительная подсказка. Следует найти то, что удовлетворяет сразу нескольким условиям: служит референтом личного Я, представляет собой первоначальную природу единства апперцепции в аспекте единства, служит носителем трансцендентального единства апперцепции (т.е. носителем бессодержательной формы мышления), служит первоначалом или вместилищем рассудка. Искомое - видимо - бессмертно; или точнее: оно не явление, не несубстанция, не смертное.

2. Безусловно, поиск в нашем случае преследует не обнаружение некой сущности, но выявление логического параметра неизвестного, служащего основанием необходимого для познавательной деятельности единства. Будь то единство Я, трансцендентальное единство апперцепции, единство вообще мышления или первоначальное, ни от чего не производное единство некой вещи-в-себе, выступающей основанием всех «последующих» единств и тождеств. Поскольку нас может интересовать лишь логический аспект единства, постольку определение того, чему подобное единство «свойственно», заранее должно полагаться как невозможное. Другими словами, мы можем претендовать только на обнаружение формальной природы и логических свойств искомого основания без какого-либо определения последнего. Следовательно, мы заранее должны отдавать себе отчет в том, что ищем то, что нам, по-видимому, известно, но о чем не можем иметь понятия.

¹ М. Шильман не участвовал в публикуемой дискуссии, однако его текст, присланный позже, вполне вписывается в ее русло, вскрывая новые грани теории апперцепции. - *Прим. ред.*

² Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. С.172.

3. Согласно Канту, единое Я нам уже дано как предмет апперцепции. Это Я «...обозначает, как приставка, предмет неопределенного значения... обозначает субстанцию, относительно которой это обозначение не дает понятия о том, что она такое»³. Посредством понятия трансцендентального единства апперцепции Я производит отсылки к некоему базовому, не феноменальному единству - логически необходимому во всякий момент мышления. Можно сказать: к сквозному формальному единству, которое, будучи «чистой», предметной и бессодержательной формой, сопровождает - как неотъемлемый субстрат - акты синтеза. Трансцендентальное единство апперцепции лишь форма мышления, т.е. форма обладающего единством. У него есть свой носитель, и, несомненно, единство, исходящее из предполагаемой природы этого носителя, выступает основанием единства всего, что прямо или косвенно на этот носитель опирается. Этот носитель не является, однако он распространяет свое единство и как условие, которому подчиняются явления, и как саму способность объединения и связывания, реализуемую рассудком. Носитель трансцендентального единства апперцепции субъективен, и единству этого носителя аналогично трансцендентальное единство апперцепции.

4. Подобный неотъемлемый субстрат - при всей его практической необходимости - никак не дан в опыте. Он не является, даже являясь полноправным участником когнитивных актов. Некая гипотетическая субстанция, не-явление, обозначается при помощи Я, но обозначение того, что не опытно, не дает о ней никакого понятия. Никакое положительное суждение относительно этого неизвестного не может быть легитимно. И, поскольку нет никаких возможностей судить о его качествах или природе, оно может сопрягаться лишь с отрицательными суждениями в классической апофатической манере. Другими словами: известно одновременно и известно, и не подлежит опытному определению. Оно известно, будучи непознаваемым, но не фиктивно, потому как необходимо для протекания процессов познания, которые очевидны. Не-феноменальное единство логически необходимо в каждый момент мышления; к нему отсылает Я как логический субъект, который также един. Из какого-то глубинного единства единство остальных инстанций не выводится, но, по определению, зиждется на нем как на основании. И основание это неопределенно: оно есть вещь-в-себе.

5. Трансцендентальное единство апперцепции может быть приравнено к Я в аспекте единства. Но Я - согласно кантовской позиции - не субстанциально, а субъективный носитель трансцендентального

³ Кант И. Метафизические начала естествознания. Пер. В.П. Зубкова // *Его же*. Сочинения. В 6-ти т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С.150.

единства апперцепции - субстанциален. В том, что Кант берет Я как субъект, Хайдеггер усматривает онтологическую неадекватность, потому как «...онтологическое понятие субъекта характеризует не самость Я... но тождественность и постоянство чего-то уже наличного»⁴. Без сомнения, мы ищем как раз именно это тождественное, постоянное, всегда уже наличное; то, что по отношению к самому себе есть всегда то же самое. И оно же - будучи не в себе самом, а конкретно осуществленным - способно обладать в своем проявлении уникальными признаками, соответствующими личному Я. Следовательно, наше искомое есть нечто, что одновременно выступает в двух планах: в своем теоретическом определении оно есть субъект, постоянное, единое, залог и гарант всякого единства, субстанциальное, способное к осуществлению. Практически оно способно являться опорным пунктом самосознания, мыслясь как удобное, конвенциональное, предельно достоверное за счет своей неопределимой глубины представление.

6. Кант утверждает, что Я - «одна лишь мысль»⁵; Я может обозначать некую субстанцию в идее, не давая никакого понятия этой субстанции, но тем не менее и обозначаемому, и обозначающему с необходимостью приписывается единство. Сквозное бессодержательное единство полагается, поскольку без него, как без базисного условия собирания и связывания, длящаяся мысль превращается в разрозненную последовательность актов сознания, а когнитивная деятельность - в череду моментальных и несвязанных опытных данных. Так как «...опыт никогда не дает примера совершенного систематического единства...», - рассуждает Кант, - такое единство может исключительно мыслиться и «...полагаться в основу только проблематически»⁶. Но поскольку такое единство необходимо для разумения, то практический разум создает такую сущность, «природное» единство которой и позволяет ему «...рассматривать всю связь между вещами чувственно воспринимаемого мира так, как если бы они имели свое основание в этой сущности»⁷. Относительно этой мыслимой сущности нельзя утверждать, что она действительно существует; но она и не полностью произвольна. Под ней подразумевается нечто, некоторым образом наличествующее, некоторым образом известное как обладающее бытием, некоторым образом сущее. Нельзя не заметить, что «... некоторым образом душа есть все сущее» - определение Аристотеля⁸.

⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. [Лит. 31(а)]. С.320.

⁵ Кант И. КЧР. С.724. (Все ссылки в данном тексте приведены по изданию [Лит. 13(а)]. - *Прим. ред.*)

⁶ Там же. С.577-578.

⁷ Там же. С.578.

⁸ Аристотель. О душе. С.439.

7. Полагая единство души основанием всяческих «последующих» единств, мы получаем картину, в которой гармонично сочетаются все функции и эффекты, обеспечивающие процессы познания и самосознания. В первую очередь это касается структурного плана «общения» с явлениями. В самих явлениях не заключено никакого синтеза, они представляют разрозненность данных. Но поскольку явления подлежат мышлению, они могут предстать как связанные за счет связности, выступающей самим принципом мышления. В таком представлении они подлежат и логическому следованию, в русле которого возможен синтез, прообразом которого служит душа - как первоначальное мышление. К явлениям (не субстанциальным и не сущим) прилагается добавка (лигатура, приставка определения) - душа, единство которой служит опорой разума в деле определения или осуществления своего предмета. Правила упорядочения данных рассудочны, а единство осуществимо за счет единства самой души. Коротко говоря, к явлению прилагается не-явление, к не-сущему добавляется сущее; к не-субстанции - субстанция в логическом смысле. В 1-ом издании «Критики чистого разума» Кант указывает, что с определением души как субстанции «...можно согласиться, если только мы признаем... что это лишь субстанция в идее, а не в реальности»⁹. Таким образом, к реальности явления добавляется душа как «нереальная субстанция», как необходимый субстрат, не зависящий от явления, но гарантирующий явление возможность его существования. Душа добавляется как ингредиент, который не обнаруживается опытным путем, однозначно не определяется, но необходим в практическом плане в качестве постоянного источника единства.

8. Позиция Канта до 2-ой редакции «Критики чистого разума» подтверждает подобное заключение. Он полагает, что в душе «...относительным образом находится совокупность реальности всех возможных явлений»¹⁰ и трактует рассудок как производную силу души. Даже позднее, отдаляясь от декартовой позиции, согласно которой душа зависима в своем бытии от Бога и акты сознания скрепляются в единое Я по форме и структуре души, Кант продолжает мыслить систематическое и сквозное единство - души, рассудка, Я, апперцепции. Ведь без априорного единства, которому должны быть подчинены все явления, не может быть познания; познание - это обязательное прибавление единого себя как «Я мыслю», прибавление Я как парадигмы всех объектов. Значит, «всякое явление... должно, однако, иметь единство

⁹ Кант И. КЧР. С.724.

¹⁰ Васильев В.В. Подвалы кантовской метафизики. С. 135.

в душе»¹¹, предстать как единое - в единой. Только в этом случае наличие возможность синтезов; явление дополняется и осуществляется душой, которая «...сама по себе через первоначальное и ни от чего не производное мышление, есть... прообраз подобных синтезов»¹².

9. Характеристики души сугубо гипотетичны, свойства бессмертной души приходится полагать со ссылкой на непротиворечивость и соответствие традиции. Кант отдает себе в этом отчет, признавая, что «постоянность души... остается недоказанной и даже недоказуемой»¹³. Объект эмпирической апперцепции - душа как явление, но неумолимо возникает вопрос о душе как о вещи-в-себе. И если Кант говорит, что душа - не явление, то, значит, душа как не-явление не есть объект эмпирической апперцепции. И как вещь-в-себе она не есть объект чего-либо; т.е., по логике, в идее она - субъект, в постоянстве и единстве своем выступающий как носитель трансцендентального единства апперцепции. Это единство - бессознательное, формальное структурирование, наличествующее до познающего мышления, отвечающее за сводимость всех состояний и уровней сознания к рациональному центру, «началу координат», в котором не может быть никакой реальной точки. Координата предшествует точке, т.е. Я; потому полагание точки там, где ей уже уготовано место, предельно логично и «естественно». Таким образом, единство апперцепции опирается на единство души; на единстве души зиждется и единство схематизирующего рассудка.

10. Хайдеггер, цитируя слова Канта о том, что «...этот схематизм... является сокровенным в глубинах души искусством...»¹⁴, понимает, что поскольку «истинные ухватки» этого искусства не могут быть выявлены, значит, то, к чему производит отсылку такое искусство - глубина души, - вынуждено служить основанием. Ведь в качестве единственного референта всех возможных представлений следует положить единственную вещь, лишенную атрибутов, т.е. даже не Я как некую вещь, а логически оправданное единство вещи такого рода. Остается, правда, проблема, связанная с тем, что душа как вещь-в-себе, т.е. душа, демонстрирующая свое безусловное единство в опыте, не дана и не познаваема. Однако душа - это то известное, которое исследуемо, но непознаваемо за счет своей глубины. Она известна в поле традиции, берущей начало в древнегреческой философии; она известна как единая и бессмертная, по определению, сохраняющая свою самость

¹¹ Фрагменты черновых набросков Канта по метафизике. 13 (4678). Пер. В.В. Васильева. // Логос, №10. М., 1997.

¹² Там же. 10 (4574).

¹³ Кант И. КЧР. С.378.

¹⁴ Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. С.57.

даже при отнятии у нее способности мыслить. Понятие самости души, мыслящей, рассудочной, осуществляющейся в жизни, Хайдеггер приравнивает к понятию Dasein¹⁵. Душа не может реально исчезнуть, и для нее не закрыт вход ни в один из миров; она действует в перекрестке миров - среди и по ту сторону каждого из них - как передаточное звено. Она едина по определению и множественна по проявлению. И потому, даже не имея душу как данную в опыте непосредственно, Хайдеггер заключает, что «...мы обладаем опытом самих себя, т.е. действий нашей души»¹⁶. В единстве души мы получаем - в рамках конвенции понятия души, ее традиционного определения и обозначения - единственного качественно не определяемого референта, к которому отсылает всякое Я, а в глубине души - допускает Хайдеггер - основание как «нечто глубоко лежащее»¹⁷.

11. Таким образом, основание всякого единства находится в глубине души, взятой в качестве конвенционально известного непременно наличного сущего. То, что не обнаруживается опытным путем, но практически необходимо, должно существовать согласно логике и служить по необходимости основанием последующих положений. Душа остается предметом неопределенного значения, для которого Я играет роль знака определенности. Если логическое Я «...как бы подобно чему-то субстанциальному»¹⁸, то Я косвенно отсылает к этому субстанциальному, обозначает его, не давая понятия. Ведь Я - и сама мысль, и нечто подобное субстанции, и означающее чего-то субстанциального. В каком же случае мысль обозначает без понятия? Только в том случае, когда ее предмет может быть только помыслен, т.е. когда ее предмет - вещь-в-себе, относительно которой мы всегда остаемся без понятия. В таком случае Я обозначает одну из вещей-в-себе, но также и субстанцию. Это не идея разума и не Бог, но, по всей видимости, душа. Но мы не можем утверждать, что вещь-в-себе субстанциальна; мы вообще не можем утверждать что-либо, т.е., как оговаривает Кант, приходится отличать в трансцендентальной логике бесконечные утверждения от утверждений утвердительных. Он же и приводит пример действия «чисто отрицательного предиката» по отношению именно к душе, давая относительно нее отрицательное суждение, имеющее в логической форме утвердительный характер¹⁹, что позволяет и избежать заблуждения, и не дать понятия того, относительно чего оно не может быть дано.

¹⁵ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. С.310.

¹⁶ Там же. С.333.

¹⁷ Хайдеггер М. Положение об основании. С.208.

¹⁸ Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. С. 172.

¹⁹ Кант И. КЧР. С. 169.